

Лекция 18. Русская идея (окончание)

«Исторический путь России в оценке Пушкина и Чаадаева» – основная сегодняшняя тема, но перед этим будет большое вступление, в котором речь пойдет о трансформации Русской идеи в XVIII веке.

На прошлой лекции мы говорили о том, что конец XVII в. – это завершение государства, которое называлось Московская Русь. Мы как бы покидаем эту историческую Русь и входим в иное государство – империю. Но Русь продолжает существовать в каких-то других понятиях, чувствах и текстах. Русь продолжает существовать как Русь Святая, Русь древняя, Русь вечная. Так что и в XVIII, и в XIX в. народ по-прежнему живет не только в России, но и в Руси. Это легко осознать, когда мы читаем русских поэтов XIX в.: кому хорошо живется на Руси? Есть такая поэма у Некрасова, есть и его характеристика современной ему Руси: «Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная, матушка Русь». Понятие «матушка Русь» в какой-то мере является синонимом Святой Руси. И здесь я хочу сказать о той проблеме, которая освещена русскими философами XX в.: Николаем Бердяевым в его брошюре «Русская идея» (написана в 1946 г.), еще раньше об этом интересно говорил Василий Розанов. Мысль здесь такая: противопоставление Святой Руси императорской России. Например, Розанов пишет в начале XX века, что есть две России: Россия императорская – Россия видимости и Русь Святая – Россия сущности, т.е. сущности духовных ценностей. Как бы в императорской России таких духовных ценностей и нет. Прежде всего, все ценности воплощены в Святой Руси, которая продолжает жить и существовать и в XIX, и в XX в.

Еще одно противопоставление, которое мы найдем у другого философа этого времени: Отечество противопоставляется Родине. Родина – это как бы Святая Русь, а Отечество – императорская Россия. Что по этому поводу можно сказать? Кажется, что слишком мудрено и слишком много противопоставлений, чтобы так в упор противопоставить две России. Даже есть противопоставление в гендерном плане: Святая Русь, матушка Русь – это, прежде всего, женский облик России, а императорская Русь – это (в XIX веке вслед за Павлом еще пять императоров) облик бюрократической, военной, могущественной России, которая в какой-то мере борется с матушкой Русью. И Русская идея здесь не только национальная, государственная, но даже сверхнациональная, цивилизационная идея, т.е. идея, которая вписывает Россию, ее исторический путь в мировой процесс и как бы поглощена этим мировым процессом. Дальше, когда я буду говорить о Пушкине и Чаадаеве, будут сталкиваться два представления о России и Руси. Возможно, что в самом том образе, который получила Святая Русь в XIX и XX вв., есть мифологизация Святой

Руси. Есть такие работы «Миф о Святой Руси», «Миф об императорской России». Элемент мифологизации есть в каждом представлении о той или иной стране или народе.

Каждый народ сочиняет о себе миф, - это составная часть национальной идеи. Без мифов нет загадочности в самой идее. И Святая Русь в какой-то мере мифологизирована, но это живой образ, в котором живут люди, скажем, в XIX в., они как бы и не живут в России – духовно они еще в Святой Руси. И сейчас мы тоже найдем такие противопоставления, когда человек говорит, что он не жил в Советском Союзе или не живет в России, которая основана на постсоветском режиме. Некоторое отталкивание от современности, отвращение к ней характерно для многих диссидентских кругов или церковных. Понятие «родина» как родная земля стало употребляться только в XVIII в. – в поэзии Гавриила Державина. Совсем недавно. А устоявшееся словосочетание «Святая Русь» впервые лингвисты находят только у Максима Грека, в 20-е годы XVI в. Странно: сам грек, а выдумал такое словосочетание. Святая Русь была и до этого, но выражение «Святая Русь» появилось только в XVI в. Есть интересные исследования по этому вопросу. Одна моя студентка писала реферат «Матушка Русь в современном представлении» и пользовалась книгой, которая так и называется – «Матушка Русь». Там обсуждаются гендерные проблемы: что такое русская женщина, что такое русский мужчина, героизм русских женщин в годы Второй мировой войны. Но это несколько иная тема, хотя и интересная.

Сейчас мы быстро перелистаем весь XVIII в. Здесь необходимо сказать, как все-таки установилась эта императорская Россия? Официальная дата, когда Петр I провозгласил себя императором, – 1721 год. Но, конечно, империя сформировалась раньше. Государственные имперские институты сформировались уже в 10-е годы XVII в. Петербург стал столицей в 1713 г. Когда в последующем будет спор между западниками и славянофилами, то он затронет вопросы вокруг реформаторской деятельности Петра, поскольку ясно, что со времен Петра влияние европейской цивилизации было особенно интенсивно. Петр был, может быть, самым активным западником в русской истории, но он не был первым. Иван III был западником по самому менталитету. Он пригласил иностранных архитекторов, иностранных переводчиков и многих деятелей в Россию. Итальянцы построили в Кремле Успенский и Архангельский соборы. Многие стены возвели вокруг Кремля, соорудили укрепления и стены в других городах. Аристотель Фьорованти не только построил Успенский собор, он был одним из главных инженеров по военной части, по защите Москвы и других русских городов при Иване III.

Если в целом оценивать деятельность Петра I, то получается набор противоречивых характеристик. И не только в XIX в., но даже и сейчас Петру I дают совершенно

противоположные оценки. Во всяком случае мы должны, мне кажется, реалистически оценить его труд, потому что если бы не было этой могучей деятельности Петра, то, может, нас бы давно стерли с лица земли. И в этом плане чем Петр I хуже реформатор, чем наш всенародно выбранный президент? Причем Петр I – это диктатор и совсем не демократ. Он предпринял такие усилия, потому что понял, что на размышления, на рефлексию по поводу выбора какого-то пути просто не было времени: в Европе появились очень мощные страны. И одной из таких могучих стран в начале XVIII в. стала Швеция. Вместе с Францией она стала лидером среди европейских держав. Она поглотила многие земли, особенно после завершения 30-летней войны (1618–1648). Время для России настало очень опасное – потерять самостоятельность было очень легко. Мы ее почти потеряли в 1611 г., и сейчас мог наступить такой момент. Время смуты – Стрелецкий бунт и время раскола. Можно говорить про Петра, что он жестокий тиран и самодержец, самый властный самодержец во всей истории Руси и России. Но о том, что Петр I поступил неправильно – очень резко, жестко и даже жестоко, изменяя многие государственные структуры в России, – говорить бесполезно. Повторяю: ситуация в историческом плане была очень опасной, Петр почувствовал ее и предельно быстро сделал все, что мог сделать. Россия отставала во многом: и в государственности, и в технологии, и в вооружении, и в военном деле. Мы еще раньше отставали от Европы приблизительно на 100 лет в развитии огнестрельного оружия. Впервые пушки были применены при Дмитрии Донском (1389 г.), а в Европе они загрохотали на 100 лет раньше.

Петр понимал, что Европа нас никогда не пожалеет и при всякой выгодной ситуации она пойдет на Россию, потому что Россия – это огромные территории. Я думаю, что евразийцы, которые довольно спокойно в отличие от славянофилов относились к деятельности Петра, в какой-то мере были правы. Например, Лев Гумилев говорил, что Петр I не был даже таким западником, как его представляют. Он был коренным русским правителем и сделал все, чтобы защитить Россию. Стратегически можно оценить деятельность Петра только положительно, если учесть ту историческую ситуацию, которая сложилась в начале XVIII в. Другое дело, как дальше пошли эти процессы. И может быть, самое главное в том, что Петр I не учел последствий своей деятельности в истории Российского государства. В результате его реформ произошел очередной, второй раскол – раскол этнический и в какой-то мере государственный. Вот выстроил царь новую столицу и получилось две столицы и две как бы русских идеи и даже два народа по менталитету: народ петербургский и народ московский. Этот раскол проявил себя и в XIX в., и в годы революций в 1905 и 1917 гг. Петр как бы не церемонился с теми святынями, с тем всем дорогим, что существовало в Святой Руси. Устранил патриаршество, после

смерти патриарха нового не назначил, и около 20 лет у нас был местоблюститель патриарха, но не патриарх. И не было патриархов до конца 1917 г. В конце концов Петр учредил Синод, т.е. просто министерство по делам религии. Ну а себя он, наверное, и считал патриархом. Самодержец – это и священная особа и государственный высший чин. Что же получилось из этого пренебрежительного отношения к наследию Святой Руси? Я прочитаю небольшой отрывок из поэмы Максимилиана Волошина «Россия», чтобы почувствовать, насколько глубоко были заложены основы этих противоречий с эпохи реформации Петра.

Мы углубили рознь противоречий
За двести лет, что прожили с Петра:
При добродушии русского народа,
При сказочном терпении мужика, –
Никто не делал более кровавой
И страшной революции, чем мы.
При всем упорстве Сергиевой веры
И Серафимовых молитв, – никто
С такой хулой не потрошил святыни,
Так страшно не кощунствовал, как мы.
При русских грамотах на благородство,
Как Пушкин, Тютчев, Герцен, Соловьев, –
Мы шли путем не их, а Смердякова –
Через Азефа, через Брестский мир.

Поэма «Россия» написана в 1924 г. Брестский мир, во время которого советская Россия много потеряла. Азеф – это провокатор. Это провокаторская идея, которая была заложена в самом строе уже XX в., когда отлавливали революционеров, а сами провокаторы тоже становились революционерами. Смердяков – персонаж из романа Достоевского «Братья Карамазовы», который молился на Запад и мечтал открыть лавочку в Париже и вообще позаимствовать все, что идет с Запада. Причем, Смердяков – это символ не только низкопоклонства, но и символ нечистоплотности по отношению к святыне. Волошин в какой-то мере прав: Петр действительно сокрушил святыни. Хотя к концу жизни он издал указ о том, чтобы обязательно все были православными, чтобы другие народы тоже приобщились к православию. Но это уже была некая передержка, попытка исправить то, что произошло. Как вы знаете, его сын Алексей, который был в какой-то мере символом косной Руси, погиб, после умер четырехлетний сын от Екатерины, и прямых наследников у царя не осталось. В 1722 г. Петр издал указ о престолонаследии: кого он назначит, тот и будет императором. Но он так быстро умер, что начало фразы произнес, а конец не успел произнести, кто же должен стать императором. Так записано у некоторых,

присутствующих при смерти Петра. Царицей стала Екатерина I. Это в ее честь назвали город Екатеринбург. Потом царем-подростком стал Петр II, который простудился и быстро умер. Потом Анна Иоанновна, Елизавета Петровна, Петр III. Наступил некий хаос в престолонаследии. Екатерина II, которая низвела своего мужа, и Павел, которого тоже убили (всего 4 года проимператорствовал). Павел I издал строгий указ о престолонаследии – на престоле должен быть обязательно старший сын императора.

Весь XVIII век – довольно хаотичное движение на императорском троне, и соответственно особых в этом плане идей не вырабатывалось. Сейчас очень прославляют Екатерину II. Это была мудрая императрица, которая много сделала для России. Лев Гумилев же считает, что это чисто пропагандистский рекламный трюк и на самом деле она принесла много несчастья России. В ее же царствование был Пугачев и многое другое. Так получилось, что мощный, обладающий огромной волей и силой император не предвидел тех последствий, которые ожидают Российское государство. И это в какой-то мере странно. Есть версия, что и Петра отравили, поэтому он и не успел подготовить свою страну к очередному наследнику.

Итак, с одной стороны, Петр – великий император, великий политический деятель, который понимал, какая на нем лежит ответственность, замечательный патриот. (У него много высказываний о своем отношении к России, например в речи накануне Полтавской битвы он говорит, что ему ничего не нужно, только бы Россия была могучей и всегда побеждала врагов. Замечательная речь перед самым Полтавским сражением.) С другой стороны, Петр как деятель в какой-то мере духовно разоружил Россию. По крайней мере, среди определенной группы церковных деятелей считается, что деятельность Петра – это деятельность антихриста. А Петербург вообще как будто бы был проклят в народе, поскольку построен на таком чудовищно неудачном месте для жилья нормального человека: «Петербургу быть пусту». Город смерти с самого начала: в Петербурге в XIX в. смертность была в три раза выше, чем в Москве. Просто тяжелые условия для жизни, но народ все время в него ехал, поскольку это была деловая столица государства. Москва же оставалась духовной столицей, первопрестольным градом, столицей философов и в какой-то мере, как впоследствии оценили евразийцы, столицей всей Евразии.

В заключение я хотел бы сказать о том положительном, что все-таки отложилось после Петра. Символом той государственной деятельности Петра, мне кажется, является продуктивная, плодотворная жизнь М.В. Ломоносова. Ломоносов – несомненно, детище реформаторских деяний Петра. И Русская идея воплотилась в универсальной деятельности Ломоносова. Как сказал об этом Пушкин: «Он все познал и все проник». Вот эта Русская идея в Ломоносове – идея универсализма, идея мощного мышления,

обнимающего в целости весь мир. Через Ломоносова здесь, конечно, выразились определенные мысли Петра I. Ломоносов очень чутко и бережно относился к деятельности Петра. Уже одно открытие Ломоносова оправдывает эту деятельность. И хотя в истории Российского государства таких Ломоносовых было немного, но были похожие на него. Ломоносов, с одной стороны, целиком продукт как бы Запада, западной культуры, западной науки. Он учился в Германии, женился на немке, его дочери – полурусские-полунемки (сыновей не было). И в то же время он остается глубоко национальным гением и русским человеком.

Не только, конечно, жизнь Ломоносова, но вообще вся научная деятельность в XVIII в. – открытие Академии Наук в 1724 г., открытие Московского университета в 1755 г. – это, несомненно, последствия могучей реформаторской энергии Петра I. Кстати, мы открыли Академию художеств, или Академию живописи, раньше, чем англичане, – тоже в середине XVIII в., и здесь продвинулись достаточно далеко. Интерес к Европе проявился в огромном количестве самых разнообразных поездок, путешествий в Европу, переводов с европейских языков на русский. И в общем-то преобразился менталитет, характер русского человека. Я вычитал в одной из книг и всегда привожу это в пример, как одна скромная пятнадцатилетняя девочка в тихой Казани переписывалась с французскими философами на французском языке. Она его знала в совершенстве, как и многие тогда в России.

В заключение хочу сказать: хорошо или плохо случилось то, что произошло при Петре I, но отступить с этого пути Россия уже не могла и пошла по новому пути, проложенному Петром I. Я хотел бы передать то ощущение Европы, которое у нас возникло именно с деятельностью Петра, ощущение, которое хорошо выразил Александр Блок в стихотворении «Скифы». С Петра мы полюбили Европу, причем полюбили Европу глубокой, полноценной, плодотворной любовью. Никто не заставлял нас любить ее, не заставлял подражать ей, мы просто ощутили в этой Европе и красоту, и ценность европейских достижений и открытий. Я на это обращаю внимание, потому что дальше речь пойдет о Чаадаеве, где как раз говорится противоположное. Итак, «Скифы».

Мы любим все – и жар холодных числ,
И дар Божественных видений,
Нам внятно все – и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...

Мы помним все – парижских улиц ад,
И венецьянские прохлады,
Лимонных рощ далекий аромат,

И Кельна дымные громады...

Мы любим все, мы любим в Европе многое такое, за что Европу действительно можно любить. Это Блок сказал гораздо позже, когда возникло острое противопоставление старого европейского мира и нового революционного мира России. Но именно с Петра I начинается эта любовь к Европе, которая оказалась воистину плодотворной. С Петром русские получили «Фаустовскую душу», по выражению Шпенглера: пытливость, любопытство, дух новаций, эксперимента, страсть к открытиям, поискам. По-настоящему с Петра развернулась у нас наука, по-настоящему было налажено издание публицистических, философских, географических книг, словарей и многое другое. Такое впечатление, что я произношу гимн в честь Петра, в честь его деятельности, хотя многое, думаю, нам в этой деятельности не нравится. Весь XIX век будет рассуждать на тему: что сделал Петр хорошего и что сделал плохого. Собственно русская философская мысль вырастает из этой реформаторской деятельности Петра.

Еще хочу сказать о том, что повлияло на нашу философию, особенно на мышление русских интеллектуалов. Это внедрение масонства в общественную и политическую жизнь России. Дата, которую всегда ставят, когда речь идет о начале масонства в России, – 1731 г. Тогда появились первые масонские ложи в России. Активность масонов нарастала. Масоны были разные: это и политическое направление, и собственно религиозно-мистическое, очень важна просветительская деятельность масонов. Масоны-просветители добились, наверное, наибольших успехов в России. Мы знаем деятельность Новикова, активно работала типография Московского университета, много сделали последователи Новикова. Насколько важно было масонство в философской, духовной жизни России, говорит такая цифра: в «Словаре русских масонов с 1831 по 2000 год», который вышел в 2000 г., больше 12 тыс. имен. Причем это очень известные имена: философы, литераторы. Насколько вредна или полезна деятельность масонов, не даю в данном случае характеристики, а просто указываю на это явление, которое повлияло на всю интеллектуальную жизнь в России. При Александре I масоны вначале процветали, а в 1822 г. его императорским указом масонские ложи были запрещены. Официальное разрешение масонской деятельности состоялось в 90-е годы XX в. при Ельцине. Самое странное в этой деятельности, что вся она была тайной. Почему тайная, скрытая, подпольная деятельность? В чем смысл этой тайны? Этот вопрос неоднократно задавал, например, Николай I. Он не понимал, в чем состоит их деятельность. Действительно, почему тайно? Почему главы масонских лож были в основном иностранцы: англичане, немцы, французы, шотландцы? Еще можно сказать, что масоны занимались религиозной деятельностью. Они строили как бы новую религию, внутреннюю церковь, внутреннюю

личность. Есть личности общественно открытой деятельности, а есть деятельность закрытая, подпольный человек, который опирается как бы на эту внутреннюю церковь. Если кого-то интересует эта тема, почитайте замечательную книгу Георгия Владимировича Вернадского, историка, евразийца «Русское масонство при императрице Екатерине II» (М., 1998). Очень глубокая, интересная книга. В ней не столько разоблачается масонство, сколько анализируется деятельность масонов, масонская религия, масонское противостояние христианству. Чаадаев до того времени, пока в 1822 г. масонские ложи не были запрещены, был масоном. Пушкин в Кишиневе тоже вступил в масонскую ложу, пробыл в ней около полугода и вышел из нее. Некоторые связывают гибель Пушкина с мезтью масонов. Но я не знаю.

Итак, две очень важные фигуры в 20–30-е годы: Петр Яковлевич Чаадаев (1794–1856) и Александр Сергеевич Пушкин (1799–1837). Чаадаев родился в Москве, дружил с Пушкиным. Царский полк, в котором служил Чаадаев, стоял в Царском Селе, и в 1816 г. они познакомились. После того как запретили масонские ложи, Чаадаев уехал за границу, путешествовал по европейским странам. Кстати, он был участником войны 1812 г. и вместе с русской армией вошел в Париж в 1814 г. Потом он решил заняться философией и стал сочинять философские труды. Основной его труд, на который я буду ссылаться, – это восемь философических писем, написанных на хорошем французском языке. Есть стилистический анализ этих писем с точки зрения языка, и сами французы много раз анализировали именно язык Чаадаева.

Творческая история этих писем, как сказано в них самих, началась в конце 20-х годов: от своей соседки по имени Екатерины Пановой Чаадаев получил письмо. В этом письме она выражала свои сомнения в вере и в православии и просила совета, к какой религии повернуться. Чаадаев откликнулся, и первое его философическое письмо в рукописях появилось (и Пушкин читал его) в 1831 г. Оно было опубликовано на русском языке в сентябре 1836 г. в журнале «Телескоп». Письмо многих возмутило, и ответы Чаадаеву подготовили многие русские писатели, поэты, литераторы: и Евгений Баратынский, и Петр Вяземский, и Алексей Хомяков, Василий Жуковский. Когда же Чаадаева представили сумасшедшим, то от опровержения его идей эти литераторы отказались. Создавалась ситуация травли Чаадаева, что для русской общественной мысли было крайне нехарактерно. Поэтому никаких особых официальных откликов на это письмо в среде русской интеллигенции нет. Но есть отклик Пушкина на это письмо – свидетельство сопротивления чаадаевской философии, которое сам автор философического письма нашел в лице Пушкина. Это письмо стало завещанием Пушкина, поскольку оно – одно из последних глубоких философических писем поэта.

Хотел бы указать на некоторые мысли Чаадаева, и, может, сделаю это в форме тезисов, пронумерую. У Чаадаева этого нет, а я сделаю в педагогических целях. Базовая мысль здесь: Россия – аномальная страна, и мы стоим как бы вне времени. Помните, я цитировал Анатолия Чубайса, который считает, что мы выброшены из исторического процесса? Это искаженная мысль Чаадаева. «Мы стоим как бы вне времени. Дивная связь человеческих идей в преемстве поколений и истории человеческого духа на нас не оказали никакого действия», – вот эту мысль Чаадаев неоднократно развивает и в других письмах. Еще одна мысль: Чаадаев пишет, что мы не пережили молодости. «Вся жизнь была наполнена тусклым и мрачным существованием без силы, без энергии». Это выражение особенно возмутило Пушкина. «Никаких чарующих воспоминаний, никаких пленительных образов памяти нашей исторической. Их нет».

Под номером три можно поставить мысль о русском народе. Эту же мысль часто повторяют враги России, в частности фашисты. Мысль странная, но самое удивительное, что в чем-то Чаадаев прав или полуправ. «Даже отвага русского народа, которая удивляет иностранцев, основана на равнодушии к добру и злу, ко всякой истине, ко всякой лжи». Вот откуда исток отваги русских людей – равнодушие к добру и злу. А затем чудеса русского героизма, проявленные в годы Второй мировой войны, были интерпретированы так, что русским вообще наплевать на жизнь и на смерть, на добро и зло, на фашизм. Равнодушие заставляет их идти в бой как на самоубийство. Вот такая склонность к мазохизму, и никакого другого источника героизма нет. Раньше всех об этом писал Чаадаев. Отвага эта проявилась и в годы Семилетней войны (1756–1763), когда мы воевали с Пруссией при Елизавете Петровне. Еще Фридрих II заметил, что русские – удивительные солдаты, их мало убить, их надо еще толкнуть, чтобы он упал. Потому что вроде бы убит, но стоит и готов сражаться. Немцы – замечательные воины, тут нет споров. В одной из схваток Семилетней войны немцы и русские вдруг побросали оружие и стали друг друга душить голыми руками. Вот тогда-то немцы поразились русским. Наверное, этот и другие примеры знал Чаадаев. Отвага русских солдат проявилась на глазах Чаадаева в войне 1812 г. На что он опирался, когда писал вот эти фразы?

Если под номером три речь идет об отсутствии нравственности в русском народе, то под номером четыре – отсутствие ума у русского народа. «Все наше участие в общем движении человеческого разума сводится к слепому, поверхностному, очень часто бестолковому подражанию другим народам». Вот реформы Петра I – это мы подражаем другим народам. Да, мы в чем-то копируем другие народы, но разве это бестолково, разве здесь не осмыслены чужие достижения? Откуда эти факты, на что опирается Чаадаев? На определенную масонскую традицию XIX в. Об этом достаточно подробно писали в XVIII

в. в масонской среде. Может быть, это и личное открытие Чаадаева. В данном случае я не хочу комментировать ничего, а в заключение приведу высказывание: «Вообще у всех народов есть элита – незначительная часть мыслит, остальная часть чувствует. В итоге получается общее движение». Чаадаев спрашивает: а где же наши мудрецы, где наши мыслители? Где наша элита? Элиты у нас нет, – отвечает он. Просто слепое бестолковое подражание. А в том, что было создано в XVIII в. и уже в эпоху Пушкина, ничего интересного нет.

Россию Бог как бы забыл – это у меня пятый пункт. Здесь Чаадаев отмечает, что Проведение как бы совсем не занималось нашей судьбой. «Мы могли бы как бы объединить в нашей цивилизации (интересно, что философ употребляет здесь слово *цивилизация*, но пишет он на французском языке, а впервые по-русски это слово употребил Пушкин. – В.Ф.) историю всего земного шара (даже такой замысел! – В.Ф.), соединить два великих деления мира: Запад и Восток. Таково могло бы быть предназначение России (Россия как мост между Западом и Востоком. – В.Ф.). Но этого не произошло. Века и поколения протекали для нас бесплодно. Одинокие в мире, мы миру ничего не дали и у мира ничего не взяли. Мы не внесли в массу человеческих идей ни одной мысли». Представляете, как это высказывание нравится сейчас философам на Западе. Прямые цитаты встречаются, например, у Бжезинского. Потому что в глазах Запада Чаадаев – первый значительный философ в истории русской мысли. Два философа особенно возвеличиваются на Западе – Чаадаев и Владимир Соловьев. Но мало того, что мы не подарили человечеству ни одной мысли, – мы принесли с собой только дурные идеи и губительные заблуждения. «В крови у нас есть нечто отвергающее всякий прогресс». Такой генотип у нас. Сейчас эта мысль особенно популярна. Говорят, что Россия движется по кругу: продвинется в истории, а потом настолько же отбрасывается назад.

Под номером шесть у меня такая мысль философа: во всех наших грехах виновата Византия, византийское наследие. Интересно, что во французском языке фигурируют такие понятия, как культура, цивилизация, тогда как на русском к этому времени не сложилось еще хорошей метафизической терминологии. Может быть, эпиграфом, руководящей мыслью к оценке философского творчества Чаадаева применимо выражение Пушкина, которое дано в его большой статье о Радищеве и «Путешествии из Петербурга в Москву». Пушкин рассказал о многих переживаниях Радищева, связанных с тем, как он был преследуем при Екатерине II. Кстати, Радищев тоже был масоном. Вроде бы у Радищева все похоже на правду: и критика крепостничества правильная, и критика русского народа. Но заключение статьи Пушкина такое: «Все это может и похоже на правду, но это не истина, ибо нет истины там, где нет любви». Вот эта заключительная

фраза о Радищеве может быть применена и к Чаадаеву. В определенной мере, конечно, Чаадаев прав. Я пересказывал мысли из первого философического письма, затем Чаадаев усложнил аргументацию своих мыслей и многое изменил, но любви к России Пушкин у Чаадаева не обнаружил. У греков, т.е. у Византии, мы ничего «растленного» (по словам Чаадаева) не брали. Пушкин возражает ему: «У греков мы взяли Евангелие и предания, но не дух ребяческой мелочности и словопрений». Этот дух мелочности проявился у нас в эпоху раскола в XVII в., а главное, что мы получили от Византии, – это Евангелие, учение Христа и Священное Предание. «Наше духовенство, до Феофана, было достойно уважения, оно никогда не пятнало себя низостями папизма (папизм – католицизм. – В.Ф.)». Пушкин думает, прежде всего, о человечестве в целом. Он говорит о том, что человечество тогда, когда произошла реформация, больше всего нуждалось в единстве, и русское духовенство никогда бы не вызвало ту реформацию и тот раскол, который произошел в западных странах. В XVII в. раскол у нас тоже произошел. «Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться. Войны Олега и Святослава и даже удельные усобицы – разве это не та жизнь, полная кипучего брожения и пылкой и бесцельной деятельности, которой отличается юность всех народов?» Это ответ Пушкина на замечание Чаадаева о том, что Русь не переживала свою юность, сразу пришла старость. «Татарское нашествие – печальное и великое зрелище. Пробуждение России, развитие ее могущества, ее движение к единству (к русскому единству, разумеется), оба Ивана, величественная драма, начавшаяся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре, – как, неужели все это не история, а лишь бледный и полузабытый сон?» Наверное, не только Пушкин мог бы ответить на его письмо. Повторяю, никто не ответил, так как никто не хотел участвовать в травле действительно талантливого человека. «А Петр Великий, который один есть целая всемирная история! (речь идет о Петре, к которому Пушкин относился крайне противоречиво: одна рифма в поэме «Полтава» «ужасен – прекрасен» свидетельствует об отношении Пушкина к Петру. – В.Ф.). А Екатерина II, которая поставила Россию на пороге Европы? А Александр, который привел вас в Париж? И (положа руку на сердце) разве не находите вы чего-то значительного в теперешнем положении России, чего-то такого, что поразит будущего историка?» В это время Россия была в своем могуществе и славе, это был золотой век. И заканчиваю я фразой Пушкина, которая является как бы его историческим, духовным завещанием. Это одна из последних фраз, написанных Пушкиным: «Хотя лично я сердечно привязан к государю, я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора – меня раздражают, как человек с предрассудками – я оскорблен, – но, клянусь честью (а за честь Пушкин заплатил кровью. – В.Ф.), что ни за

что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал».

Если дальше говорить о Пушкине, то скажу пафосные слова. Помните, как Гоголь сказал про Пушкина – это «русский человек через двести лет». Пушкин был одним из образованнейших людей своего времени. Он знал в совершенстве несколько иностранных языков, не считая французского. Пушкин по-настоящему любил Европу (хотя не суждено ему было там побывать – дальше Кишинева не пустили), очень хотел увидеть Италию, но не получилось. В лирических отступлениях в «Евгении Онегине» он написал прекрасные слова об Италии. Пушкин интересовался Африкой – он помнил о стране своих предков («Под небом Африки моей...»). Пушкин явился настоящим универсальным русским гением, который синтезировал в себе великие европейские достижения и то, что дала ему Святая Русь. К концу жизни Пушкин сильно продвинулся в сторону христианской религии. Вот эта синтетическая основа пушкинской мысли был воспринята Достоевским. Два имени – Пушкин и Достоевский – это основные имена, когда речь идет о Русской идее. «Речь Достоевского о Пушкине 8 июня 1880 года» – это, может быть, главная речь о Пушкине как о творце Русской идеи. Если бы меня спросили, с кем я, я бы однозначно ответил: я с Пушкиным.